

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ****Ирина Валерьевна МАРУЩАК**кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
marushak_irina79@mail.ru**История статьи:**Получена 30.06.2017
Получена в доработанном
виде 14.07.2017
Одобрена 27.07.2017
Доступна онлайн 29.08.2017

УДК 330.8

JEL: B52

Аннотация**Предмет.** Институциональные процессы, порождаемые постиндустриализацией как важнейшей закономерностью современного социально-экономического развития, связанной с повышением места и роли отраслей сферы услуг (сервисных индустрий) в обеспечении занятости населения, объема ВВП и деятельности промышленного сектора.**Цели.** Системный анализ институционального (в том числе транзакционного) содержания и эффектов постиндустриализации, систематизация последствий прикладного характера применительно к перспективе развития транзакционных индустрий.**Методология.** Исследование опирается на теоретико-методологические разработки в области институционального, эволюционного, системного и компаративного анализа.**Результаты.** Проведен комплексный анализ институциональных аспектов постиндустриализации, характерной для всех ведущих стран мира, основанный на реальных показателях развития сферы услуг. Систематизированы проявления сервисизации промышленного и аграрного секторов, связанные с расширением сферы услуг и развитием гибридного производства. Обоснована необходимость отказа от трактовки постиндустриализации в негативном аспекте, а также от ее гомогенного восприятия, поскольку данная закономерность асимметрично и асинхронно проявляется в различных отраслях и сферах хозяйства.**Выводы.** Пересмотрена абсолютизация роли промышленности с учетом процесса постиндустриализации как наиболее значимой тенденции развития современной экономики, обусловленной растущим усложнением бизнес-моделей и форматов цепочек создания стоимости. Аргументировано выдвижение сферы услуг на лидирующую позицию с акцентом на развитие ряда современных транзакционных индустрий. Обоснована безосновательность демонизации теории постиндустриальной экономики, выявлены причины отторжения постиндустриализма. Доказана важная роль транзакционных услуг и производящих их индустрий в постиндустриальной экономике. Показана ведущая роль стейкхолдеров в ходе постиндустриализации, связанная с массовым производством кастомизированных товаров и услуг. Рамочно представлены перспективы роста и развития транзакционных индустрий в условиях постиндустриализации в сферах государственного управления, устойчивого развития территориальных образований и развития инновационных наукоемких бизнес-услуг транзакционного типа.**Ключевые слова:**экономический анализ,
транзакционное развитие,
постиндустриализация, сфера
услуг, институциональная
экономика

© Издательский дом ФИНАНСЫ И КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Марущак И.В. Институциональные аспекты постиндустриализации: теоретический анализ и практические последствия // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2017. – Т. 16, № 8. – С. 1420–1437.
<https://doi.org/10.24891/ea.16.8.1420>

Современный этап развития общества часто описывается при помощи антитезисных пост-концепций, базирующихся не столько на содержательном анализе нового состояния социальной системы, сколько на его противопоставлении предыдущему состоянию по принципу «тезис – антитезис».

Трудно не согласиться с утверждением о том, что мы живем фактически в некоем «пост-мире», описываемом концепциями постиндустриализма, постмодернизма, постфордизма, постгуманизма и т.д. [1, с. 3].

По своей функции приставка «пост-» является терминологическим маркером, обозначающим в самом первом

приближении факт замены хронологически предшествующего состояния системы новым и являющимся исходным пунктом пересмотра сложившейся периодизации.

Постиндустриализация – одна из наиболее значимых тенденций современного социально-экономического развития. Ее наиболее общий смысл состоит в выдвижении сферы услуг на лидирующую позицию в обеспечении вклада в валовой внутренний продукт и занятости населения. При этом промышленность и сельское хозяйство сдвигаются на периферию, хотя и продолжают оказывать комплексное влияние на конкурентоспособность, устойчивость и безопасность экономики как стран, так и их внутренних территориальных образований.

Расширение сферы услуг сопровождается сервисизацией промышленного и аграрного секторов, то есть ростом сервисных компонентов соответствующих бизнес-процессов. Результатом становятся комплексные институциональные изменения, радикально меняющие образ экономики большинства городов, регионов и стран.

Постиндустриализация характерна для всех ведущих стран мира. Например, в США доля сферы услуг в валовой добавленной стоимости составляет 64,3%, а в общем количестве занятых в экономике – 69,5%, тогда как в Германии соответственно 62,2 и 67,8%, в Японии – 66,5 и 65,3%, во Франции – 70,4 и 70,5%, в Великобритании – 73,5 и 77,8%. В России эти показатели составляют 53,5 и 58,5% (табл. 1), что явно свидетельствует о промежуточном (переходном) состоянии национальной экономики, с одной стороны, отстающей от стран – лидеров постиндустриализации, с другой стороны, опережающей основных «игроков» индустриальной экономики.

Теория постиндустриального общества была выдвинута Д. Беллом в 1973 г. в книге [2]. Несмотря на ее широкое интеллектуальное влияние и проникновение в политическую риторику,

она до сих пор остается недостаточно осмысленной и зачастую превратно интерпретируемой.

Автор данной теории подчеркивал, что первой и простейшей характеристикой постиндустриального общества является то, что большая часть рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг [3, с. 18]. Кроме того, им приводились следующие характеристики:

- ведущее значение информации и знаний как ресурсов-драйверов экономического развития;
- ключевая роль фундаментальной науки и технологических инноваций;
- центральное место университетов и интеллектуальных организаций;
- экспансия профессиональных «белых воротничков» с высшим образованием;
- формирование «ядра» сферы услуг – здравоохранения, образования, науки и управления, которым соответствуют профессии, образующие «новую интеллигенцию»;
- вовлечение экспертов в политический процесс; обострение важности выработки компромиссов при решении социально значимых проблем, затрагивающих интересы разных групп интересов [3, с. 18, 19, 38, 39, 48, 57].

Поразительно, насколько точны оказались эти прогнозы, сделанные более сорока лет назад, и насколько адекватно они описывают экономику современного типа.

Конечно, теория Д. Белла давно перестала быть концептуальной рамкой, превратившись, скорее, в отправной пункт теоретизирования на постиндустриальную тематику.

Сам термин «постиндустриальный» получил крайне широкое употребление в различных научных дисциплинах и в

политической сфере, что объективно привело к его искажениям и усилению многозначности, сопровождаясь, к сожалению, неверным истолкованием и прямой вульгаризацией постулатов теории постиндустриального общества. Это вызвало многоаспектную критику данной теории. Одним из наиболее часто повторяемых упреков была, естественно, терминология: «Мне задавали вопрос, – вспоминал Д. Белл, – почему я назвал эту гипотетическую концепцию «постиндустриальным обществом», а не обществом знания, или информационным обществом, или обществом профессионалов, хотя каждый из этих терминов описывает значимые черты нарождающегося состояния» [3, с. 49].

В частности, З. Бжезински иронически отмечал, что само индустриальное общество являлось постаграрным с точки зрения людей, живших в период смены экономики аграрного типа индустриальной [4, с. 9].

Как уточнял Д. Белл, употребление префикса «пост-» указывает на то, что мы живем в переходный период [3, с. 50], а также делает акцент на комплексности постиндустриалистского подхода, не сводимого лишь к технологическому детерминизму (то есть учету в качестве ключевого фактора изменений смены доминирующих в экономике технологий широкого применения) и принимающему во внимание влияние экономических структурных сдвигов на социальные, политические и культурные изменения.

Наиболее бескомпромиссными критиками теории постиндустриализма (под которым понимается широкий спектр теоретических и прикладных концепций в области постиндустриального общества и экономики) являются сторонники реиндустриализации. Они исходят из того, что главной целью реиндустриализации, или новой индустриализации как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий,

должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты [5, с. 130].

При этом зачастую игнорируется роль институциональных факторов, гипертрофируются функции государства и его место в рыночной экономике, необоснованно преувеличиваются позитивные эффекты национализации наиболее рентабельных отраслей (сырьевого сектора, IT-сектора и др.) как финансовых «доноров» реиндустриализации [6, 7]. Более того, как показывает историко-экономический анализ, термин «индустриализация» не относится лишь к области экономики, а охватывает комплекс взаимосвязанных экономических, идеологических и политических аспектов теории и практики хозяйствования [8, с. 147], поэтому любые концепции реиндустриализации должны базироваться на дифференцированном подходе, четко очерчивающем набор принципов и методов регулирования данного процесса, в том числе неприемлемых регулятивных подходов.

Но, невзирая на многочисленные внутренние проблемы используемого ими подхода, реиндустриалисты считают постиндустриализм выдуманным, умозрительным, абстрактным, утопичным, мифическим, догматичным, вульгарным и т.д. [9, с. 142, 144, 150, 158].

Однако резкая критика теории постиндустриальной экономики выражается по большому счету в неприятии самой приставки «пост-», которую профессор С.С. Губанов заменяет на «нео-», а также в фетишизации добавленной стоимости, создаваемой в промышленности: «промышленная добавленная стоимость, создаваемая индустрией, все больше присваивается в смежных секторах, за пределами индустрии. Только на базисе, целиком корпоративном и неоиндустриальном, и сложилась тенденция увеличения доли высокотехнологичных, неоиндустриальных услуг в объеме ВВП» [9, с. 150].

С этим тезисом трудно не согласиться, более того, он логически следует из базовых постулатов постиндустриализма, ведь постиндустриализация прежде всего охватила развитые индустриальные страны, то есть для формирования экономики постиндустриального типа необходим мощный индустриальный базис.

Иначе говоря, ускорение роста услуг достигается лишь при довольно высоком уровне эффективности материального производства, позволяющем использовать для сферы услуг относительно большие ресурсы [10, с. 6].

Вместе с тем очевидны и причины отторжения постиндустриализма сторонниками реиндустриализации, лежащие в политической плоскости и связанные с переносом этой теории в область макроэкономической политики, причем в наиболее вульгарной, поверхностной форме, предполагающей, что в производстве, в том числе в производстве средств производства (техники и технологий) и наукоемкой продукции, вообще нет особой необходимости.

Такие политические идеи, бесспорно, представляют собой бесцеремонное оправдание процесса избавления России от высокотехнологичной обрабатывающей индустрии: дескать, нужно заниматься значащей сейчас сферой услуг вместо ничего уже не значащей индустрии [9, с. 158]. Это безусловное упрощение теории постиндустриальной экономики.

Напротив, Д. Белл специально подчеркивал сугубо аналитическую и прогностическую направленность своей теории: «для аналитических целей можно подразделить общества на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные и противопоставить их в различных аспектах» [3, с. 157] в качестве идеальных типов социальных систем. Он подчеркивал, что постиндустриальное общество – это в большей степени концепция, чем исчерпывающая дефиниция; в большей

степени сценарий, чем уверенный прогноз [11, с. 747]. И уж конечно, из данной теории никаким образом не следует вывод о бесперспективности промышленного сектора и отсутствии необходимости его стратегической государственной поддержки, особенно инновационных производств. Однако необходимо учитывать, что это уже качественно «другая промышленность, хотя и уходящая корнями в индустриальную эпоху, но имеющая вполне благоприятные перспективы развития в... постиндустриальном обществе» [12, с. 223].

Принципиальный же вопрос состоит в другом, а именно – в пересмотре абсолютной роли промышленности (ведь «на уровне политической полемики о роли сектора услуг... наиболее распространенным аргументом в пользу промышленности становится тезис о том, что продукция предприятий реальной экономики всегда будет востребована, соответственно, кто-то должен заниматься ее производством» [13, с. 56]) и перспективе гибкого сочетания промышленной и сервисной (то есть направленной на развитие сферы услуг) политики. Ведь сейчас не менее чем реиндустриализация актуален лозунг новой (инновационной) сервисизации [14, с. 43] с особым акцентом на развитие современных транзакционных индустрий.

Методологически некорректной следует признать демонизацию теории постиндустриальной экономики. Вряд ли справедливо с научной точки зрения делать вывод о том, что «будучи глубоко антинаучной по своему содержанию, «постиндустриальная» утопия имеет также ярко выраженную антинаучную направленность» [9, с. 159] на том простом основании, что то, «что является антииндустриальным, то неизбежно является и антинаучным» [9, с. 159].

В такой аргументации очевидно влияние индустриального фетишизма, в силу влияния которого промышленности инерционно приписывается ключевая роль

в экономическом развитии, несмотря на ее явное отставание от сферы услуг по вкладу в валовой внутренний продукт, валовую добавленную стоимость, занятость и пр. Критика сферы услуг с позиций ее непроизводительности уже давно перестала быть актуальной [15].

По пути необоснованной критики идей постиндустриализма идут и некоторые ученые, приписывающие данной теории тезисы о якобы неизбежной деиндустриализации экономики и грядущем исчезновении промышленности, а затем «уточняя» эти постулаты: «Сейчас уже очевидно, что, несмотря на относительное господство третичного сектора экономики, возникающего в связи с углубляющимся общественным разделением труда, абсолютной деиндустриализации в глобальной экономике не происходит. Наблюдается лишь автоматизация производств, их сетевизация, повышение эффективности и перенос в зоны с более низкой стоимостью человеческого капитала» [16, с. 48], тогда как «наступление эры постиндустриального общества характеризуется не исчезновением промышленности, а исчезновением одной лидирующей индустрии» [16, с. 49].

Но в теории постиндустриального общества, напротив, подчеркивалось, что его экономической базой являются наукоемкие отрасли промышленности [3, с. 160], просто «индустриальный процесс больше не является главным детерминантом социальных изменений» [4, с. 9].

Сервисизация охватывает и промышленный сектор [17], что ведет к развитию гибридного производства, связанного с созданием товарно-сервисных комплексов, а не «чистых» товаров промышленного производства.

Поэтому для промышленников актуальны вопросы использования возможностей сервисизации для повышения конкурентоспособности [18], развития у

персонала промышленных фирм навыков производства продвинутых услуг [19], а также разработки сервисных стратегий в рамках промышленного сектора [20] и внедрения услугоцентричных бизнес-моделей [21].

Вместе с тем термин «сервисизация» в большей степени подчеркивает вторичность услуг по отношению к промышленному производству, их дополнительный, второстепенный, вспомогательный характер. Более корректным является понятие гибридизации производства, выражающееся в тесной интеграции и смешивании промышленного и сервисного секторов [22].

Поэтому трудно согласиться с утверждением С.С. Губанова о том, что постиндустриализм – это не более чем «футурологические бредни, скомпилированные Д. Беллом в «постиндустриальный» концепт с игрой в левую фразу и спустя считанные годы отринутые им самим» [9, с. 159].

Это абсолютно неверно: Д. Белл во всех своих работах фактически продолжал осуществлять исследовательскую программу, сформулированную им в его главной книге, но концентрировался на различных конкретных аспектах.

Следует признать, что в поздних работах Д. Белл избегал использования термина «постиндустриальное общество» и сопутствующей терминологии [23, с. 64]. Однако это связано отнюдь не с признанием им ошибочности своей концепции, а, скорее, с болезненной реакцией автора на ее вульгаризацию и некорректное, но при этом очень широкое использование.

С точки зрения теории транзакционного развития в осмыслении постиндустриализации наиболее важен тот факт, что «постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми» [3, с. 171].

Если в индустриальной экономике «процесс труда есть лишь процесс между

человеком и природой» [24, с. 456], что характерно для трансформационного труда, то в постиндустриальной экономике доминирующим является транзакционный труд, предметом которого выступают общественные отношения людей и необходимые для их осуществления неосязаемые ресурсы, а конкретными формами – рыночные и нерыночные транзакции, а также связанные с их реализацией транзакционные и трансформационные услуги.

Подчеркнем, что индустриализация не обязательно предполагает массовое производство стандартизированных товаров; это ее эволюционная форма, а не сущность. Сущность индустрии – массовое производство для массового потребления (*mass market*). Современная индустриализация связана с массовым производством кастомизированных товаров и услуг.

Кастомизация означает расширение для потребителей возможностей индивидуальной комплектации приобретаемых продуктов, в том числе персонального пакетирования услуг.

Таким образом, вполне допустимо рассматривать постиндустриализацию как конкретно-историческую форму индустриализации, связанную с массовой кастомизацией, доминированием сервитизированных цепочек создания стоимости и переходом к гибриднему производству, а также разделением и коэволюцией промышленных и сервисных индустрий.

Постиндустриализация совершенно не обязательно сопровождается деиндустриализацией, транзакционную трактовку которой дает профессор О.С. Сухарев: «Деиндустриализация – сокращение доли промышленного производства и числа занятых в этом секторе и увеличение доли услуг – транзакционных секторов за счет убыли ресурсов из промышленности в эти секторы, снижения технологичности

производства (сокращение сложных операций и замещение их простыми типами производства, снижение доли высоких технологий и т.д.)» [25, с. 9].

Вообще говоря, противопоставление занятости в промышленном и сервисном секторах устарело. Хотя удельный вес занятых в промышленности в совокупной занятости снижается, но производительность труда растет, как и объемы промышленного выпуска; кроме того, многие рабочие места в сфере услуг прямо или косвенно связаны с обслуживанием промышленного сектора¹.

Кроме того, автоматизируются и замещаются робототехникой преимущественно те рутинные производственные процессы, которые не требуют высокой квалификации, но параллельно растет спрос на специалистов, компетентных в области информационных технологий и цифровой аналитики (например, экспертов по мехатронике)².

Следует учитывать, что автоматизация и роботизация промышленных производств, в значительной степени компенсируемая профессиональными рабочими местами в сфере услуг, в том числе в сегменте наукоемких бизнес-услуг, постепенно проникают и в сервисные индустрии.

Развитие технологии автономных роботов, взаимодействующих с себе подобными и людьми, при этом способных к самообучению, приведет к вытеснению из сферы услуг низкоквалифицированной рабочей силы и повысит требования к работникам. Так, первые в мире антропоморфные (человекоподобные) роботы в 2016 г. начали работать продавцами-консультантами в Токио.

В свою очередь, новое поколение чат-ботов, саморазвивающихся компьютерных

¹ Handbook of Service Business: Management, Marketing, Innovation and Internationalisation. J.R. Bryson, P.W. Daniels (eds.). Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2015, 464 p.

² Industry 4.0. The Future of Productivity and Growth in Manufacturing Industries. URL: <http://www.zvw.de/media.media.72e472fb-1698-4a15-8858-344351c8902f.original.pdf>

программ на основе искусственных нейросетей, способно «работать» во многих транзакционных профессиях, в том числе сотрудниками колл-центров, секретарями-референтами, менеджерами прямых продаж, специалистами по рекрутингу (подбору кадров), банковскими консультантами, продавцами-консультантами интернет-магазинов, а также в области маркетинговой аналитики и рекламы. Это позволяет утверждать, что формируется индустрия чат-ботов³.

Таким образом, тенденции снижения спроса на человеческие ресурсы низкой квалификации проявляются не только в промышленности, но и в сфере услуг, хотя и с определенным запаздыванием (временным лагом).

Более того, как показывают эмпирические исследования, в развитии сферы услуг можно выделить две волны: первая из них была связана с расширением сектора традиционных услуг, требующих достаточно низкой квалификации, а вторая – с прогрессом сектора современных наукоемких услуг [26].

Таким образом, структурный сдвиг от промышленного производства к производству услуг, описываемый как ситуация деиндустриализации, в реальности часто обозначает качественно различные процессы [27].

Это доказывает, что хозяйственные системы не гомогенны, а постиндустриальное развитие – не единый плавный процесс, а, скорее, совокупность множества различных асинхронных процессов, специфически протекающих в разных сферах деятельности и на разных территориях.

Если в России реиндустриализация связывается с преодолением последствий деиндустриализации, приведшей к деградации промышленного сектора за исключением экспортоориентированных

сырьевых отраслей, то в западном варианте реиндустриализация представляет собой репатриацию (возвращение) производственных мощностей, ранее размещенных за рубежом, в странах с дешевой рабочей силой и привлекательным инвестиционным климатом, в рамках офшоринга (зарубежного подряда). В значительной степени его (офшоринга) причиной стала модуляризация производства, то есть расширение возможностей декомпозиции цепочки создания стоимости на отдельные бизнес-процессы разного уровня с последующей их передачей на частичное или полное внешнее исполнение, в том числе на офшоринг.

Этот процесс активизировался в США и странах Евросоюза сразу после глобального финансового кризиса, в начале 2010-х гг. Однако вскоре выяснилось, что модель офшоринга подходит в большей степени для традиционных (консервативных) видов бизнеса, тогда как компании в сфере инноваций получили огромные ущербы от ее применения.

В частности выяснилось, что в инновационной сфере цепочка создания стоимости – это в большей степени экосистема, нежели конструктор. Пространственный разрыв между размещенными в разных странах бизнес-процессами (например, дизайном, сборкой, продажами, послепродажным обслуживанием и т.д.) значительно затруднил коллаборацию и генерацию новых идей по улучшению продуктов [28], то есть разрушил кластерный эффект.

Кстати, многие транзакционные индустрии также активно использовали аутсорсинговые практики.

К транзакционным услугам, наиболее часто передававшимся на офшоринг, относятся прием и обработка звонков в колл-центрах, службы поддержки клиентов, интернет-торговля, контроль платежей по кредитам («мягкие» коллекторские услуги), ведение и сопровождение налоговой отчетности,

³ Гайсина И. Бум ботов: как роботы вытесняют живых сотрудников.
URL: http://www.rbc.ru/own_business/11/10/2016/57f4d4b09a79470fc8973c6e

финансовые услуги, документооборот, услуги синхронного перевода, правовое сопровождение проектов, маркетинговые коммуникации и др.⁴. Однако проблема их репатриации отнюдь не критична, что дополнительно иллюстрирует гораздо более высокую адаптивность транзакционных индустрий в сравнении с отраслями промышленности.

Как показывает компаративный анализ развития трансформационного и транзакционного секторов в лидирующей экономике мира, США, его тенденции эмпирически полностью подтверждают прогнозы теории постиндустриального общества: почти за двадцатилетие (1990–2008 гг.) из сферы промышленности в сферу услуг перетекли 3,16 млн чел., общее количество занятых в аграрном и промышленном секторах устойчиво сокращается (лишь в добывающей промышленности наблюдается стагнация занятости). При этом средняя разница в создаваемом объеме валовой добавленной стоимости на конец и на начало анализируемого периода в промышленном секторе (обрабатывающая промышленность, промышленность I, II, III) составляет 21,94 млрд долл., тогда как в транзакционном секторе – 313,77 млрд долл. В среднем по трансформационному сектору, включая сервисные индустрии – образование и здравоохранение, – эта величина достигает 69,14 млрд долл., то есть в 4,5 раза меньше, чем в среднем по транзакционным индустриям.

Во всех транзакционных индустриях за рассматриваемый период произошло увеличение занятости (от 0,23 млн чел. в корпоративном менеджменте и юридической индустрии до 1,62 млн – в розничной торговле и 4,08 млн – в государственном управлении). Напротив, большинство трансформационных индустрий испытывают отток работников, значимый прирост зафиксирован только в образовании и здравоохранении (*табл. 2*).

⁴ The Handbook of Service Industries in the Global Economy. J.R. Bryson, P.W. Daniels (eds). Cheltenham, Edward Elgar, 2007, 594 p.

Принципиально важная роль транзакционных услуг и производящих их индустрий в постиндустриальной экономике обусловлена растущим усложнением бизнес-моделей и форматов цепочек создания стоимости.

Модель модульного производства становится характерной не только для промышленного сектора, но и для транзакционных услуг. В частности, недавние исследования показали, что финансовые услуги становятся все более модульными.

С одной стороны, интернет-технологии облегчили доступ к услугам многочисленных финансовых структур, а количество этих услуг неуклонно растет, в связи с чем средний потребитель использует все большее количество финансовых продуктов.

С другой стороны, сами финансовые структуры все больше используют услуги сторонних организаций (в том числе в области бэк-офиса, риск-менеджмента, кибербезопасности и т.д.), «дробя» свою цепочку создания стоимости и интегрируя в нее новые фирмы. В результате развиваются и модульный спрос, и модульное предложение [29].

Транзакционные издержки сложных и географически разделенных цепочек поставок снижаются под влиянием комбинации, во-первых, экспертных знаний в области глобального управления бизнесом, и, во-вторых, передовых IT-решений, обеспечивающих эффективную координацию рассеянных в пространстве транзакций [30, с. 730].

В этом смысле перспективы офшоринга можно считать достаточно позитивными, особенно в области транзакционных видов деятельности. Но наряду с гибкостью и потенциалом кастомизации, рост дифференциации и фрагментации бизнес-процессов и модулей (в рамках модульного производства) повышает общие транзакционные издержки их координации и синхронизации.

Кроме того, расширение количества стейкхолдеров и повышение открытости компаний также требуют качественного и эффективного транзакционного обеспечения.

В связи с этим следует ожидать устойчивого развития транзакционных KIBS (наукоемких бизнес-услуг), например, услуг по внедрению и эксплуатации автоматизированных систем в различных транзакционных видах деятельности: так, в менеджменте к ним относятся CRM- и eCRM-системы (Customer Relationship Management), то есть системы управления отношениями с клиентами; в маркетинге таковы SFA-системы (Sales Force Automation), то есть системы управления продажами, а также специализированные программы автоматизации маркетинга, такие как IMM- (Integrated Marketing Management), MRM- (Marketing Resource Management) и EFM-системы (Enterprise Feedback Management).

Не менее перспективны инновационные виды KIBS транзакционного типа. К ним можно отнести маркетинговый консалтинг на основе нейромаркетинга: это междисциплинарная область исследования

на стыке маркетинга, нейрофизиологии, когнитивной психологии, психолингвистики, базирующаяся на использовании таких передовых технологий, как электроэнцефалография, функциональная магнитно-резонансная томография, транскраниальная магнитная стимуляция и др. [31, 32]

В области государственного управления многообещающим станет консалтинг с позиций поведенческой экономики, связанный с «мягким» воздействием на иррациональные мотивы принятия гражданами решений [33].

В решении задач устойчивого развития территориальных образований и сообществ важную роль способны сыграть трансформативные транзакционные услуги, в том числе краудсорсинг, краудфандинг, краудинвестинг и платформенные сервисы поддержки инноваций и коллаборации бизнеса с потребителями.

Особое значение в постиндустриальной перспективе примут сервисные транзакционные инновации и технологии, требующие государственной поддержки и стратегического регулирования.

Таблица 1**Показатели развития сферы услуг в ведущих экономиках (2015 г.)****Table 1****Indicators of service sector development in leading economies (2015)**

Страна	Доля сферы услуг в ВДС, %	Место	Доля сферы услуг в численности занятых, %	Место
США	64,3	8-е	69,5	6-е
КНР	44,6	15-е	38,8	14-е
Япония	66,5	5-е	65,3	10-е
Германия	62,2	9-е	67,8	7-е
Великобритания	73,5	1-е	77,8	1-е
Франция	70,4	2-е	70,5	3-е
Индия	49,5	14-е	24,4	15-е
Италия	67,4	3–4-е	66,7	8-е
Бразилия	59,2	10-е	57,3	12–13-е
Канада	66,2	6-е	73,1	2-е
Республика Корея	52,8	13-е	65,7	9-е
Австралия	64,9	7-е	70,2	4-е
Россия	53,5	12-е	58,5	11-е
Испания	67,4	3–4-е	70,1	5-е
Мексика	56	11-е	57,3	12–13-е

Примечание. В основу порядка расположения стран положен рейтинг стран мира по объему ВВП по номинальному значению (вариант Всемирного банка, 2016 г. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>).

Источник: составлено автором по Services Profiles 2015. Geneva, World Trade Organization, 2015, 200 p.

Note. The rating rests on the World Development Indicators database, World Bank.

URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>

Source: Authoring, based on Services Profiles 2015. Geneva, World Trade Organization, 2015, 200 p.

Таблица 2

Эволюционные тенденции развития транзакционных и трансформационных индустрий в экономике США (1990–2008 гг.)

Table 2

Development trends in transactional and transformational industries in the U.S. economy (1990–2008)

Индустрии	Изменение ВДС, млрд долл.*	Изменение совокупной занятости, млн чел.
<i>Транзакционный сектор</i>		
Правительство	241,34	4,08
Недвижимость, аренда, лизинг	658,3	0,5
Розничная торговля	373,14	1,62
Оптовая торговля	452,19	0,58
Транспорт и складское хозяйство	166,47	0,7
Финансы и страхование	484,28	1,07
Менеджмент компаний и предприятий	49,87	0,23
Юридические услуги	12,64	0,23
Информационная индустрия	385,7	0,33
В среднем по сектору	313,77	1,73
<i>Трансформационный сектор</i>		
Сельское хозяйство	55,91	–0,54
Добывающая промышленность	–124,21	0,03
Промышленность I**	17,59	–1,25
Промышленность II	127	–0,96
Промышленность III	67,38	–0,98
Образование	38,39	1,45
Здравоохранение***	301,92	6,48
В среднем по сектору	69,14	4,23

* Оценка методом цепных индексов в ценах 2005 г.

** Согласно Североамериканской классификации индустрий (North American Industry Classification System) промышленность I (Manufacturing I) включает производства продуктов питания, напитков, табачных изделий, тканей, одежды, обуви и кожаных изделий; к промышленности II (Manufacturing II) относятся производства древесины и бумажной продукции, нефти и угля, основных химических продуктов, синтетических материалов, неметаллических полезных ископаемых, стекла, цемента; промышленность III (Manufacturing III) охватывает производства металлической продукции, продукции тяжелого машиностроения, транспортного оборудования, компьютеров и электроники, бытовой техники, полупроводников, мебели.

*** Включая социальное обеспечение.

Источник: рассчитано автором по Spence M., Hlatshwayo S. The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54, no. 4, pp. 703–738

Source: Authoring, based on Spence M., Hlatshwayo S. The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54, no. 4, pp. 703–738

Список литературы

1. *Best S., Kellner D.* The Postmodern Turn. New York, Guilford Press, 1997, 306 p.
2. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, Basic Books, 1973, 507 p.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
4. *Brzezinski Z.* Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, Viking Press, 1970, 355 p.
5. *Бодрунов С.Д.* Реиндустриализация экономики и проблема импортозамещения: роль и задачи информационной индустрии // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2015. № 4. С. 127–132.
6. *Марущак И.В.* Трансакционная инфраструктура экономики: эволюция концепций и синтез определения // Journal of Economic Regulation. 2017. Т. 8. № 1. С. 52–63.
7. *Фролов Д.П.* Парадокс трансакционных издержек // Экономист. 2011. № 5. С. 75–85.
8. *Корнейчук Б.* Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 141–149.
9. *Губанов С.С.* Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. 224 с.
10. *Погосов И.А., Соколовская Е.А.* Соотношение производства товаров и услуг как одно из равновесий современного национального производства. М.: Институт экономики РАН, 2013. 45 с.
11. *Tilton T.A., Bell D.* Dialogue: The Next Stage of History. *Social Research*, 1973, vol. 40, p. 747.
12. *Горкин А.П.* География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). Смоленск: Ойкумена, 2012. 348 с.
13. *Лободанова Д.* Стратегии развития старопромышленных городов // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 56–76.
14. *Хейфец Б.А.* Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016. 86 с.
15. *Katouzian M.A.* The Development of the Service Sector: A New Approach. *Oxford Economic Papers*, 1970, vol. 22, no. 3, pp. 362–382.
16. *Инишаков О.В., Фесюн А.В.* Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика, экология. 2014. № 2. С. 44–53.
17. *Baines T., Lightfoot H., Benedettini O., Kay J.M.* The servitization of manufacturing: A review of literature and reflection on future challenges. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 2009, vol. 20, no. 5, pp. 547–567.

18. Baines T., Lightfoot H. Made to Serve: How Manufacturers Can Compete Through Servitization and Product Service Systems. Wiley, 2013, 270 p.
19. Baines T., Lightfoot H., Smart P., Fletcher S. Servitization of Manufacture: Exploring the Deployment and Skills of People Critical to the Delivery of Advanced Services. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 2013, vol. 24, iss. 4, pp. 637–646. doi: 10.1108/17410381311327431
20. Mathieu V. Service Strategies within the Manufacturing Sector: Benefits, Costs and Partnership. *International Journal of Service Industry Management*, 2001, vol. 12, iss. 5, pp. 451–475. doi: 10.1108/EUM00000000006093
21. Visnjic Kastalli I., Van Looy B., Neely A. Steering Manufacturing Firms Towards Service Business Model Innovation. *California Management Review*, 2013, vol. 56, iss. 1, pp. 100–123. doi: 10.1525/cmr.2013.56.1.100
22. Daniels P.W., Bryson J.R. Manufacturing Services and Servicing Manufacturing: Changing Forms of Production in Advanced Capitalist Economies. *Urban Studies*, 2002, vol. 39, iss. 5-6, pp. 977–991.
23. Ferkiss V. Daniel Bell's Concept of Post-Industrial Society: Theory, Myth, and Ideology. *Political Science Reviewer*, 1979, vol. 9, no. 1, pp. 61–102.
24. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1962. 552 с.
25. Сухарев О.С. «Новые-старые» задачи по управлению промышленностью на современном этапе // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 3. С. 7–23.
26. Eichengreen B., Gupta P. The Two Waves of Service-Sector Growth. *Oxford Economic Papers*, 2013, vol. 65, iss. 1, pp. 96–123. doi: 10.1093/oenp/gpr059
27. Tregenna F. A New Theoretical Analysis of Deindustrialization. *Cambridge Journal of Economics*, 2014, vol. 38, no. 6, pp. 1373–1390. doi: 10.1093/cje/bet029
28. Pisano G.P., Shih W.C. Does America Really Need Manufacturing? *Harvard Business Review*, 2012, vol. 90, no. 3, pp. 94–102.
29. Austen M., Allchin C. Modular Financial Services: The New Shape of the Industry. URL: <http://www.brinknews.com/modular-financial-services-the-new-shape-of-the-industry/>
30. Spence M., Hlatshwayo S. The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54, no. 4, pp. 703–738.
31. Fortunato V.C.R., Giraldi J.M.E., de Oliveira J.H.C. A Review of Studies on Neuromarketing: Practical Results, Techniques, Contributions and Limitations. *Journal of Management Research*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 201–220.
32. Ariely D., Berns G.S. Neuromarketing: The Hope and Hype of Neuroimaging in Business. *Nature Reviews Neuroscience*, 2010, vol. 11, no. 4, pp. 284–292.
33. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 76 с.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**INSTITUTIONAL ASPECTS OF POST-INDUSTRIALIZATION:
THEORETICAL ANALYSIS AND PRACTICAL IMPLICATIONS****Irina V. MARUSHCHAK**Volograd State University, Volgograd, Russian Federation
marushak_irina79@mail.ru**Article history:**Received 30 June 2017
Received in revised form
14 July 2017
Accepted 27 July 2017
Available online
29 August 2017**JEL classification:** B52**Keywords:** economic analysis,
transactional development,
post-industrialization, service
sector, institutional economy**Abstract****Subject** The article considers institutional processes generated by post-industrialization, which is the most important trend in the modern social and economic development and relates to enhanced role of service industries in employment, GDP volume and industrial sector operations.**Objectives** The study aims to perform a systems analysis of institutional (including transactional) content and effects of post-industrialization, to systematize the implications of applied nature to the development of transactional industries.**Methods** The study draws on theoretical and methodological concepts of institutional, evolutionary, systems and comparative analysis.**Results** The paper presents a complex analysis of institutional aspects of post-industrialization, which is specific to all leading countries of the world. The analysis is based on real indices of the service sector development. I classify the instances of servicization of industrial and agrarian sectors that are connected to extension of the service sector and development of hybrid production; underpin the need to avoid the interpretation of post-industrialization in a negative aspect and to perceive it as something homogeneous, as this trend appears asymmetrically and asynchronously in different branches and spheres of economy.**Conclusions** The paper proves an important role of transactional services and service-producing industries in the post-industrial economy, shows the leading role of stakeholders in the course of post-industrialization that is related to mass production of customized goods and services, formulates prospects for transactional industries' growth under post-industrialization in the sphere of public administration, sustainable development of territorial entities, and expansion of innovative knowledge-intensive business services of transactional type.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Marushchak I.V. Institutional Aspects of Post-industrialization: Theoretical Analysis and Practical Implications. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, iss. 8, pp. 1420–1437.
<https://doi.org/10.24891/ea.16.8.1420>**References**

1. Best S., Kellner D. *The Postmodern Turn*. New York, Guilford Press, 1997, 306 p.
2. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York, Basic Books, 1973, 507 p.
3. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 2004, 788 p.
4. Brzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York, Viking Press, 1970, 355 p.
5. Bodrunov S.D. [Re-industrialization of the economy and the problem of import substitution: A role and tasks of the information industry]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of Plekhanov Russian University of Economics*, 2015, no. 4, pp. 127–132. (In Russ.)

6. Marushchak I.V. [Transactional infrastructure of the economy: The evolution of concepts and synthesis of definitions]. *Journal of Economic Regulation*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 52–63. (In Russ.)
7. Frolov D.P. [A paradox of transaction costs]. *Ekonomist = Economist*, 2011, no. 5, pp. 75–85. (In Russ.)
8. Korneichuk B. [Theoretical and Ideological Principles of the “New Industrialization” Doctrine]. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 3, pp. 141–149. (In Russ.)
9. Gubanov S.S. *Derzhavnyi proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [A breakthrough of the power. Neo-industrialization of Russia and vertical integration]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2012, 224 p.
10. Pogosov I.A., Sokolovskaya E.A. *Sootnoshenie proizvodstva tovarov i uslug kak odno iz ravновесий sovremennogo natsional'nogo proizvodstva* [A balance between production of goods and services as one of the balances of modern national production]. Moscow, Institute of Economics of RAS Publ., 2013, 45 p.
11. Tilton T.A., Bell D. Dialogue: The Next Stage of History. *Social Research*, 1973, vol. 40, p. 747.
12. Gorkin A.P. *Geografiya postindustrial'noi promyshlennosti (metodologiya i rezul'taty issledovaniy, 1973–2012 gody)* [Geography of post-industrial production sector (methodology and results of studies, 1973–2012)]. Smolensk, Oikumena Publ., 2012, 348 p.
13. Lobodanova D. [Strategies for the development of old industrial cities]. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 4, pp. 56–76. (In Russ.)
14. Kheifets B.A. *Transregional'noe pereformatirovanie global'nogo ekonomicheskogo prostranstva. Vyzovy dlya Rossii* [Trans-regional reform of the global economic area. Challenges for Russia]. Moscow, Institute of Economics of RAS Publ., 2016, 86 p.
15. Katouzian M.A. The Development of the Service Sector: A New Approach. *Oxford Economic Papers*, 1970, vol. 22, no. 3, pp. 362–382.
16. Inshakov O.V., Fesyun A.V. [Industry as a form of approval, expansion and domination of economic mode in economy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Ekonomika, ekologiya = Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, 2014, no. 2, pp. 44–53. (In Russ.)
17. Baines T., Lightfoot H., Benedettini O., Kay J.M. The Servitization of Manufacturing: A Review of Literature and Reflection on Future Challenges. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 2009, vol. 20, no. 5, pp. 547–567.
18. Baines T., Lightfoot H. *Made to Serve: How Manufacturers Can Compete Through Servitization and Product Service Systems*. Wiley, 2013, 270 p.
19. Baines T., Lightfoot H., Smart P., Fletcher S. Servitization of Manufacture: Exploring the Deployment and Skills of People Critical to the Delivery of Advanced Services. *Journal of*

- Manufacturing Technology Management*, 2013, vol. 24, iss. 4, pp. 637–646.
doi: 10.1108/17410381311327431
20. Mathieu V. Service Strategies Within the Manufacturing Sector: Benefits, Costs and Partnership. *International Journal of Service Industry Management*, 2001, vol. 12, iss. 5, pp. 451–475. doi: 10.1108/EUM0000000006093
21. Visnjic Kastalli I., Van Looy B., Neely A. Steering Manufacturing Firms Towards Service Business Model Innovation. *California Management Review*, 2013, vol. 56, iss. 1, pp. 100–123. doi: 10.1525/cmr.2013.56.1.100
22. Daniels P.W., Bryson J.R. Manufacturing Services and Servicing Manufacturing: Changing Forms of Production in Advanced Capitalist Economies. *Urban Studies*, 2002, vol. 39, iss. 5-6, pp. 977–991.
23. Ferkiss V. Daniel Bell's Concept of Post-Industrial Society: Theory, Myth, and Ideology. *Political Science Reviewer*, 1979, vol. 9, no. 1, pp. 61–102.
24. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. III. Kn. III* [Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 3, book 3, 552 p.
25. Sukharev O.S. [“New-old” challenges in manufacturing industry management at the modern stage]. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit*, 2016, no. 3, pp. 7–23. (In Russ.)
26. Eichengreen B., Gupta P. The Two Waves of Service-Sector Growth. *Oxford Economic Papers*, 2013, vol. 65, iss. 1, pp. 96–123. doi: 10.1093/oenp/gpr059
27. Tregenna F. A New Theoretical Analysis of Deindustrialization. *Cambridge Journal of Economics*, 2014, vol. 38, no. 6, pp. 1373–1390. doi: 10.1093/cje/bet029
28. Pisano G.P., Shih W.C. Does America Really Need Manufacturing? *Harvard Business Review*, 2012, vol. 90, no. 3, pp. 94–102.
29. Austen M., Allchin C. Modular Financial Services: The New Shape of the Industry.
URL: <http://www.brinknews.com/modular-financial-services-the-new-shape-of-the-industry/>
30. Spence M., Hlatshwayo S. The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54, no. 4, pp. 703–738.
31. Fortunato V.C.R., Giraldi J.M.E., De Oliveira J.H.C. A Review of Studies on Neuromarketing: Practical Results, Techniques, Contributions and Limitations. *Journal of Management Research*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 201–220.
32. Ariely D., Berns G.S. Neuromarketing: The Hope and Hype of Neuroimaging in Business. *Nature Reviews Neuroscience*, 2010, vol. 11, no. 4, pp. 284–292.
33. Kapelyushnikov R.I. *Povedencheskaya ekonomika i novyi paternalizm* [Behavioral economics and new paternalism]. Moscow, HSE Publ., 2013, 76 p.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.